

НАУКА ПОД НАЗВАНИЕМ

Имя Марины КЕСЛЕР, балерины театра «Эстония», хорошо известно многим нашим читателям. Это одна из самых ярких, эффектных, талантливых исполнительниц характерных ролей в балете последнего десятилетия. Но не многие, очевидно, знают, а иные и совсем не знают имя балетмейстера Марины Кеслер, создателя балетных спектаклей. Но очень скоро, очевидно, мы узнаем ее и в этом качестве. Премьера создаваемого ею спектакля — уже через несколько дней, 29 апреля.

Нелли КУЗНЕЦОВА

Марина начала танцевать в 7 лет. Ее первой учительницей была руководитель детской хореографической студии в Выру, которую в городе называли «вырусской танцевальной мамой». Что-то усмотрела она в тонконогой, хрупкой, как цветок, девочке, какой-то проблеск таланта, хотя как может быть виден талант в 8-9 лет, скорей, быть может, это была недетская увлеченность танцем, музыкой, миром движения. Во всяком случае, она очень серьезно сказала родителям Марины: «Девочку надо учить, у нее есть будущее...» И родители прислушались к совету, хотя сами были далеки от балета, от музыки, вообще от искусства. Впрочем, мама Марины была в юности гимнасткой, так что красота движения была ей понятна. А может быть, она просто была умной женщиной, всматривающейся в своего ребенка и думающей о его будущем...

Как бы там ни было, в 10 лет Марина стала воспитанницей Таллиннского хореографического училища, так называлось тогда нынешнее Балетное училище. В общем-то она сама выбрала для себя «урезанное»; как она говорит, детство, постоянное самоограничение, тяжелые физические тренировки, постоянную работу у станка, до пота, до мозолей, когда вместо того, чтобы бездумно и радостно порхать по улице или во дворе с другими девчонками, «растягиваешься» в репетиционной коридор...

Фото Николая ШАРУБИНА

классической балериной. Ее физические данные были несколько иными, рост, например, был достаточно велик. И потому у нее не было на сцене первых ролей. Да она и не хотела их. Эти лирические главные героини классических балетов всегда казались ей слишком ограниченными, одноплановыми. Зато во вторых-третьих ролях она бывала блистательной, именно здесь так

много артистов? О многих подробностях, которые делают их жизнь не похожей ни на что другое? О том, например, как перед выходом на сцену на балеринах «намертво» зашивают их легкие, воздушные сияющие пачки, чтобы, не дай Бог, не расстегнулся в прыжке, в полете какой-нибудь крючок... Или о стертых пальцах, когда балерина танцует на пуантах... Или о страхе

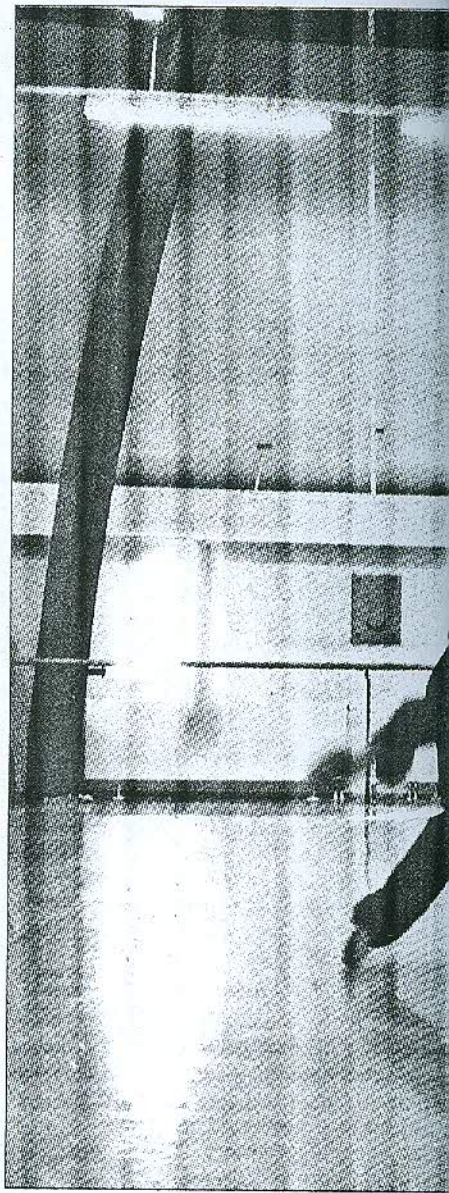

Фото из архива театра «Эстония»

жесты изящных, словно говорящих рук, эта свойственная ей нескрываемая эмоциональность — все это, наверное, от мамы-украинки, от славянских предков с материнской стороны. Она и в своем творчестве стоит как бы на стыке культур. От эстонской культуры — тонкость и точность деталей, скрупулезность в рисунке танца, от русской — душевная щедрость, широта замысла...

Когда-то Вольдемар Пансо писал, что величайшее чудо театра — это актер-лич-

их жизни... своей деятельности достаточно занимала, чужая в мирный танец зано с ним, пожалуй, ли иметь в дождествен, жет быть, ря ГИТИС великолетелем в Ба И, может благодаря богатству немногу

Д НАЗВАНИЕМ БАЛЕТ...

ошо известно
ффектных, та-
те последнего
совсем не знают
ых спектаклей.
стве. Премьера
ей, 29 апреля.

Фото из архива театра «Эстония»

истов? О многих по-
стях, которые делают
нь не похожей ни на
огое? О том, напри-
к перед выходом на
на балеринах «на-
» зашивают их лег-
оздушные сияющие
чтобы, не дай Бог,
стегнулся в прыжке,
е какой-нибудь крю-
ли о стертых паль-
да балерина танцует
тах... Или о страхе
который их пресле-
гда, о бесконечной

жесты изящных, словно го-
ворящих рук, эта свойствен-
ная ей нескрываемая эмоци-
ональность — все это, на-
верное, от мамы-украинки,
от славянских предков с ма-
теринской стороны. Она
и в своем творчестве стоит
как бы на стыке культур.
От эстонской культуры —
тонкость и точность деталей,
скрупулезность в рисунке
танца, от русской — душев-
ная щедрость, широта за-
мысла...

Когда-то Вольдемар Пан-
со писал, что величайшее
чудо театра — это актер-лич-
ность. Театр вообще жест-
кая, даже жестокая система

их жизни, для их сцениче-
ской деятельности вполне
достаточно. Но Марина по-
нимала, что ГИТИС — луч-
шая в мире школа, харак-
терный танец, все, что свя-
зано с ним, не изучается,
пожалуй, нигде больше, е-
сли иметь в виду именно ху-
дожественные вузы. Но, мо-
жет быть, именно благода-
ря ГИТИСу Марина стала
великолепным преподава-
телем в Балетном училище.
И, может быть, поэтому
благодаря своим знаниям,
богатству своей природы по-
немногу становится замет-
ным хореографом. И дума-
ется, она станет известным

Все ее постановки всегда
подчинены определенному
замыслу, идее. Она и арти-
стов старается подобрать
таких, которые понимают,
которые могут отразить
в танце ее замысел. Она лю-
бит, например, работать
с молодым артистом Алек-
сандром Пригоровским. Это
очень чуткий, тонкий, та-
лантливый актер. Так,
во всяком случае, говорит
она сама, и так считают ви-
девшие его зрители.

Александр Пригоровский,
а также Анатолий Архан-
гельский, Луана Георг, Хей-
ди Колти, Кая Крейтсберг,
Виталий Николаев — это та

объявляя всей деревне,
что мать ее была оборот-
нем. И деревня изгоняет
ее, как изгоняет ее и се-
мья, принявшая когда-то
и воспитавшая ее.

Для Марины оказалась
важной мысль, что зло,
содеянное — когда-то,
не приносит счастья, что
неправедными методами
нельзя добиваться сво-
его, как бы сильно ты
этого ни желал, что
нельзя идти по головам,
по трупам; как это дела-
ют иные нынешние карь-
еристы.

И еще одна, быть мо-
жет, более важная мысль:

ны была в юности гимнасткой, так что красота движения была ей понятна. А может быть, она просто была умной женщиной, всматривающейся в своего ребенка и думающей о его будущем...

Как бы там ни было, в 10 лет Марина стала воспитанницей Таллиннского хореографического училища, так называлось тогда нынешнее Балетное училище. В общем-то она сама выбрала для себя «урезанное»; как она говорит, детство, постоянное самоограничение, тяжелые физические тренировки, постоянную работу у станка, до пота, до мозолей, когда вместо того, чтобы бездумно и радостно порхать по улице или во дворе с другими девчонками, «растягиваешься» в репетиционной; корпиться над уроками и т.д. Но она с головой окунулась в мир музыки, в мир танца, и хотя это было нелегко, ничто другое, как она говорит, ее не интересовало. Редкая все-таки для девочки, совсем еще ребенок, целеустремленность, самоотверженность...

Но рядом были и другие ученицы, столь же поглощенные балетом. Аге Окс, например, одноклассница Марины, которая стала звездой английской балетной сцены. Она, кстати, приезжала в Таллинн сравнительно недавно в свите английской королевы. Но главное, конечно, учителя... Вначале Марину учила Ильзе Адусон, одна из лучших балетных педагогов Эстонии, давшая сценическую жизнь, как выразилась Марина, таким замечательным балеринам, как Кайе Кырб и той же Аге Окс.

Марина не стала чисто

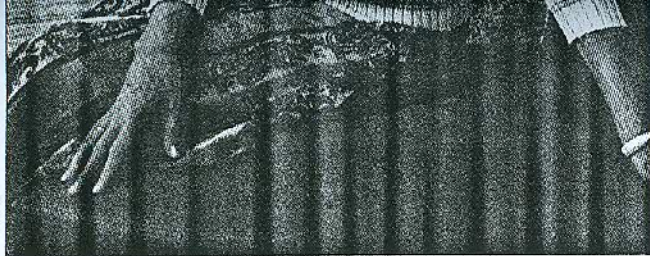

Фото Николая ШАРУБИНА

классической балериной. Ее физические данные были несколько иными, рост, например, был достаточно велик. И потому у нее не было на сцене первых ролей. Да она и не хотела их. Эти лирические главные героини классических балетов всегда казались ей слишком ограниченными, одноплановыми. Зато во вторых-третьих ролях она бывала блистательной, именно здесь так ярко и мощно проявлялись ее искрометное искусство, темперамент, фантазия. Разве можно забыть, например, ее испанский танец в «Лебедином озере»? Или ее синьору Капулетти в «Ромео и Джульетте»? Она, кстати, умела быть разной, исполняя эту роль в двух версиях балета, поставленных на сцене театра «Эстония» знаменитыми мастерами — Май Мурдмаа и Тийтом Хярмом. И всюду была великолепна, неизменно привлекая внимание зрителей. Но, Боже мой, какая упорная, какая тяжелая работа всегда стояла за этим. Недаром Вольдемар Пансо, замечательный эстонский режиссер, говорил, что как только театр начинает считать рабочие часы актера и сам актер начинает считать их, в нем может умереть художник и пробудиться чиновник.

Что мы вообще знаем об изнурительном труде балет-

ных артистов? О многих подробностях, которые делают их жизнь не похожей ни на что другое? О том, например, как перед выходом на сцену на балеринах «намертво» зашивают их легкие, воздушные сияющие пачки, чтобы, не дай Бог, не расстегнулся в прыжке, в полете какой-нибудь крючок... Или о стертых пальцах, когда балерина танцует на пуантах... Или о страхе травм, который их преследует всегда, о бесконечной боли от этих травм, которую надо преодолевать.

Балерины говорят, что есть два вида страха, который всегда живет в них: страх не выполнить какой-нибудь сложный элемент и страх получить травму. И потому перед выходом на сцену так хочется обратиться то ли к Богу, то ли к какому-то высшим силам с просьбой помочь, поддержать, уберечь. Этот страх забывается только на сцене, когда всем своим существом надо отдаваться танцу. Невозможно оставаться блистательной, постоянно опасаясь, сдерживая, ограничивая себя.

Слушать Марину необыкновенно интересно. Она мыслит объемно, самобытно. Еще интереснее наблюдать за ней. Это живое, изменчивое, прелестное лицо, великолепные темные глаза, широкие, выразительные

Фото из архива театра «Эстония»

жесты изящных, словно горящих рук, эта свойственная ей нескрываемая эмоциональность — все это, наверное, от мамы-украинки, от славянских предков с материнской стороны. Она и в своем творчестве стоит как бы на стыке культур. От эстонской культуры — тонкость и точность деталей, скрупулезность в рисунке танца, от русской — душевная щедрость, широта замысла...

Когда-то Вольдемар Пансо писал, что величайшее чудо театра — это актер-личность. Театр вообще жесткая, даже жестокая система, здесь трудно устоять, если ты не силен. Зависть, недоброжелательность порой плотной пеленой окружают особо одаренных людей. Выдержать это нелегко. Как танцевать, если ты знаешь, что из кулис за тобой наблюдает очередная завистница, втайне желая тебе сломать ногу? Марина ничем подобным никогда не была замарана. Хотя ее, очевидно, нередко колола чужая зависть.

Но если говорить об актере, это чудо без чудес, потому что человек сам формирует себя. Марина в этом смысле поражает. Кажется, что она постоянно находится в зоне обучения, образования, познания, как она выразилась, науки под названием балет. Пошла учиться в ГИТИС и окончила его, хотя многие солисты балета считают, что хореографического училища для

их жизни, для их сценической деятельности вполне достаточно. Но Марина понимала, что ГИТИС — лучшая в мире школа, характерный танец, все, что связано с ним, не изучается, пожалуй, нигде больше, если иметь в виду именно художественные вузы. Но, может быть, именно благодаря ГИТИСу Марина стала великолепным преподавателем в Балетном училище. И, может быть, поэтому благодаря своим знаниям, богатству своей натуры понемногу становится заметным хореографом. И думается, она станет известным балетмейстером. Конечно, это покажет время. Испытание временем вообще выдержать трудно. Нелегко оставаться на высоте долгие годы. Для этого действительно надо быть сильным человеком. Однако в Марину хочется верить. Она уже и сейчас зрелый специалист. Недаром на большом международном конкурсе в Москве полтора года назад она как хореограф вошла в тройку лучших. Поставленный ею номер с Машей Селецкой из «Весны священной» на музыку Стравинского вызвал немало добрых отзывов и принес ей победу.

Поставленные ею номера и сценки в гала-концертах Балетного училища всегда несут в себе глубокую мысль. Она никогда не пытается поразить зрителей какими-то необычными вывертами движений, формы.

Все ее постановки всегда подчинены определенному замыслу, идее. Она и артистов старается подобрать таких, которые понимают, которые могут отразить в танце ее замысел. Она любит, например, работать с молодым артистом Александром Пригоровским. Это очень чуткий, тонкий, талантливый актер. Так, во всяком случае, говорит она сама, и так считают видевшие его зрители.

Александр Пригоровский, а также Анатолий Архангельский, Луана Георг, Хейди Копти, Кая Крейтсберг, Виталий Никслаев — это та команда, с которой она ставит свой первый на профессиональной сцене одноактный, но достаточно масштабный, на 60 минут по времени, балетный спектакль.

Это не классический балет в чистом виде. Судя по всему, мы увидим удивительное, самобытное пластическое пространство, где модерн соседствует с характерным танцем.

Марина выбрала для своей постановки известное произведение Аугуста Китсберга «Оборотень». Поразительно, как в нем, написанном много десятков лет назад, замысел Марины высветил актуальнейшие для наших дней, острые проблемы. Не хотелось бы пересказывать содержание. Скажу только, что девушка, стараясь отнять возлюбленного у названной сестры, обвиняет ее в черном колдовстве,

объявляя, что мать нем. И де ее, как и мья, при и воспита

Для Ма важной м содеянно не прино неправед нельзя д его, как этого н нельзя и, по трупам ют иные еристы.

И еще жет, боле надо быт мее, с к тому, к тебя, кто Разве не сегодншняя?

Часами ватории, музыку, подбирал лее точно мысел. И звучать Пярта. Не знает ве Марина, он «генич» что лучш ствует той хочет по Марина, нелюбви жения...

Она на мание зр ся пожел Итак, г реля. Не

Фото из архива театра «Эстония»

истов? О многих по-
стях, которые делают
нь не похожей ни на
кое? О том, напри-
к перед выходом на
на балеринах «на-
зашивают их лег-
здушные сияющие
чтобы, не дай Бог,
тегнулся в прыжке,
е какой-нибудь крю-
ли о стертых паль-
да балерина танцует
тах... Или о страхе
который их пресле-
гда, о бесконечной
этих травм, которую
неодолевать.

ины говорят, что
вида страха, кото-
гда живет в них:
выполнить какой-
сложный элемент
получить травму.
у перед выходом на
к хочется обратить-
к Богу, то ли к ка-
высшим силам
ой помочь, поддер-
речь. Этот страх за-
только на сцене,
м своим существом
даваться танцу. Не-
о оставаться блис-
й, постоянно опас-
живая, ограничи-

Марину необык-
интересно. Она
объемно, самобыт-
интереснее наблю-
ей. Это живое, из-
преlestное лицо,
плные темные глаза,
выразительные

жесты изящных, словно го-
ворящих рук, эта свойствен-
ная ей нескрываемая эмоци-
ональность — все это, на-
верное, от мамы-украинки,
от славянских предков с ма-
теринской стороны. Она
и в своем творчестве стоит
как бы на стыке культур.
От эстонской культуры —
тонкость и точность деталей,
скрупулезность в рисунке
танца, от русской — душев-
ная щедрость, широта замы-
сла...

Когда-то Вольдемар Пан-
со писал, что величайшее
чудо театра — это актер-лич-
ность. Театр вообще жест-
кая, даже жестокая система,
здесь трудно устоять, если
ты не силен. Зависть, недоб-
рожелательность порой
плотной пеленой окружают
особо одаренных людей.
Выдержать это нелегко. Как
танцевать, если ты знаешь,
что из кулис за тобой на-
блюдает очередная зависти-
ница, втайне желая тебе
сломать ногу? Марина ни-
чем подобным никогда не
была замарана. Хотя ее,
очевидно, нередко колола
чужая зависть.

Но если говорить об акте-
ре, это чудо без чудес, по-
тому что человек сам фор-
мирует себя. Марина в этом
смысле поражает. Кажется,
что она постоянно находит-
ся в зоне обучения, образо-
вания, познания, как она
выразилась, науки под на-
званием балет. Пошла
учиться в ГИТИС и окончи-
ла его, хотя многие солисты
балета считают, что хорео-
графического училища для

их жизни, для их сцениче-
ской деятельности вполне
достаточно. Но Марина по-
нимала, что ГИТИС — луч-
шая в мире школа, харак-
терный танец, все, что свя-
зано с ним, не изучается,
пожалуй, нигде больше, ес-
ли иметь в виду именно ху-
дожественные вузы. Но, мо-
жет быть, именно благода-
ря ГИТИСу Марина стала
великолепным преподава-
телем в Балетном училище.
И, может быть, поэтому
благодаря своим знаниям,
богатству своей натуры по-
немногу становится замет-
ным хореографом. И дума-
ется, она станет известным
балетмейстером. Конечно,
это покажет время. Испыта-
ние временем вообще вы-
держать трудно. Нелегко ос-
таваться на высоте долгие
годы. Для этого действи-
тельно надо быть сильным
человеком. Однако в Мари-
ну хочется верить. Она уже
и сейчас зрелый специа-
лист. Недаром на большом
международном конкурсе
в Москве полтора года на-
зад она как хореограф во-
шла в тройку лучших. По-
ставленный ею номер с Ма-
шей Селецкой из «Весны
священной» на музыку
Стравинского вызвал нема-
ло добрых отзывов и при-
нес ей победу.

Поставленные ею номера
и сценки в гала-концертах
Балетного училища всегда
несут в себе глубокую
мысль. Она никогда не пы-
тается поразить зрителей
какими-то необычными вы-
вертами движений, формы.

Все ее постановки всегда
подчинены определенному
замыслу, идее. Она и арти-
стов старается подобрать
таких, которые понимают,
которые могут отразить
в танце ее замысел. Она лю-
бит, например, работать
с молодым артистом Алек-
сандром Пригоровским. Это
очень чуткий, тонкий, та-
лантливый актер. Так,
во всяком случае, говорит
она сама, и так считают ви-
девшие его зрители.

Александр Пригоровский,
а также Анатолий Архан-
гельский, Луана Георг, Хей-
ди Копти, Кая Крейтсберг,
Виталий Никслаев — это та
команда, с которой она ста-
вит свой первый на профес-
сиональной сцене одноакт-
ный, но достаточно мас-
штабный, на 60 минут по
времени, балетный спек-
такль.

Это не классический балет
в чистом виде. Судя по все-
му, мы увидим удивитель-
ное, самобытное пластиче-
ское пространство, где мо-
дерн соседствует с характе-
рным танцем.

Марина выбрала для сво-
ей постановки известное
произведение Аугуста Кит-
цберга «Оборотень». Пора-
зительно, как в нем, напи-
санном много десятков лет
назад, замысел Марины вы-
светил актуальнейшие для
наших дней, острые пробле-
мы. Не хотелось бы переска-
зывать содержание. Скажу
только, что девушка, стара-
ясь отнять возлюбленного
у названной сестры, обвиня-
ет ее в черном колдовстве,

объявляя всей деревне,
что мать ее была оборот-
нем. И деревня изгоняет
ее, как изгоняет ее и се-
мья, принявшая когда-то
и воспитавшая ее.

Для Марины оказалась
важной мысль, что зло,
содеянное когда-то,
не приносит счастья, что
неправедными методами
нельзя добиваться сво-
его, как бы сильно ты
этого ни желал, что
нельзя идти по головам,
по трупам; как это дела-
ют иные нынешние карь-
еристы.

И еще одна, быть мо-
жет, более важная мысль:
надо быть добрее, терпи-
мее, снисходительнее
к тому, кто не похож на
тебя, кто в чем-то другой.
Разве не актуальная для
сегодняшних дней ситуа-
ция?

Часами сидя в конзер-
ватории, слушая разную
музыку, Марина упорно
подбирала то, что наибо-
лее точно выражает ее за-
мысел. И в балете будут
звучать мелодии Арво
Пярта. Не потому, что его
знает весь мир, сказала
Марина, не потому, что
он «гениален», а потому,
что лучше всего соответ-
ствует той драме, которую
хочет показать на сцене
Марина, теме любви —
нелюбви, теме оттор-
жения...

Она надеется на пони-
мание зрителей. И хочет-
ся пожелать ей успеха.

Итак, премьера 29 ап-
реля. Не пропустите...